

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Елена Рахманина

Я тебя
УНИЧОЖУ

18+

Елена Рахманина
Я тебя уничтожу
Серия «Ненавидеть любя», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68362193

SelfPub; 2022

Аннотация

Увидел Софию впервые, когда ей было девятнадцать; она сидела на коленях у моего кореша, покачивая тонкой ножкой в капроновом чулке, край которого виднелся под короткой юбочкой, и смотрела на меня так, будто во всей комнате, кроме нас, не было никого. Тогда я понял, что нет у меня больше друга, что за неё я готов был убрать со своего пути любого и каким угодно способом, в равном бою или предательством – не важно, она – моя. И в итоге так оно и вышло. В очередной из разборок, с моей нелегкой руки, он получил пулю промеж глаз. Испытывал ли я тогда муки совести? Нет, и мне хотелось донести до неё одну простую истину: от меня она уйдет, только если я сам этого захочу.

Содержание

Глава 1. А. Самгин	4
Глава 2. София	11
Глава 3. А. Самгин	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Рахманина

Я тебя уничтожу

Глава 1. А. Самгин

Странное ощущение, спустя много лет, видеть перед собой единственную женщину, которую любил когда-то, ту, которая родила мне единственного ребенка.

Я замер на мгновение, сканируя её от макушки до кончиков замшевых ботфуртов. Только она могла себе позволить без вульгарности носить откровенно сексуальную одежду в том возрасте, который озвучивала, не говоря уже о реальной цифре в паспорте. Стерва смотрит на меня, изгибая губы в ехидной улыбке, будто мой облик сейчас – результат её проклятия.

– Самгин, ты так и будешь стоять или возьмешь мои чемоданы и покажешь дом?

Прислоняюсь плечом к дверному косяку, давая понять, что в этот дом она войдет только через мой труп, продолжая молча изучать её, сравнивая с тем, как она выглядела в нашу последнюю встречу. Тонкие морщинки лучились из глаз, циничных и таких холодных, что она могла бы запросто перерезать мне горло, задержись её взгляд на нем чуть дольше.

– Что ты здесь забыла, дорогая? – Мой голос звучит ти-

хо и хрипло: я давно не использовал голосовые связки, он разрезает воздух своими металлическими нотками, и ветер уносит его, так что мне остается гадать, расслышала она мой вопрос или нет.

София выше поднимает свой точеный носик, упрямо выдвигая вперед подбородок, всем своим видом показывая, что ей находиться здесь хочется еще меньше, чем мне видеть её.

Самоуверенная сука!

Дом располагался на берегу Балтики, приносившей в это время года холодный, пробирающий до костей ветер, а она одета в тонкое облегающее пальтишко, совсем не по погоде, да и такси сюда не может близко подобраться, поэтому ей, вестимо, пришлось долго тащить свой немаленький чемодан. Я наслаждаюсь её продрогшим видом, румянцем на щеках и едва ли не посиневшими руками, когда она привычным жестом убирает прядь волос за ушко, украшенное огромными бриллиантами.

– Твой сын попросил тебя убить, он же отлично знает, что я действую на тебя, как яд, – отвечает, приподняв одну бровь.

– Конечно, в тебя вкачано столько ботокса, что ты можешь парализовать любого одним прикосновением, а потом нанести сорок ранений, и все языком, – поддеваю её, наблюдая, как её губы от недовольства сжимаются в тонкую линию.

Отступаю назад, давая ей пройти, задумываясь над брошенной фразой. К чему вдруг Климу понадобилось пригла-

шать её в мое логово из того серпентария, где он её нашел. Если бы не это замечание, так и оставил бы её за порогом ловить такси в Преисподнюю.

София проходит в дом, мягко покачивая бедрами, так что мой взгляд задерживается на её ягодицах, как на маятнике гипнотизера. Она ожидает, когда я помогу ей с чемоданом, но вместо этого я захлопываю дверь, оставляя его на коврик с надписью «Добро пожаловать домой».

Ступаю следом за ней, сжимая переднюю мышцу бедра, которую порой пробивает острой болью, как разрядом тока. В свое время я получил огнестрельное ранение в ногу, и пуля там так и осталась, но врачи уже не рекомендовали её трогать. С возрастом она начала приносить мучения, а в периоды обострения я и вовсе прихрамывал, порой задумываясь о трости. Впрочем, боль усиливалась в самые паршивые периоды моей жизни, например, как сейчас, и это не ускользнуло от Софии, полоснувшей меня очередной порцией презрения, будто мне и самому неизвестно, насколько жалким я выгляжу в её глазах, да и своих, особенно, сравнивая с тем, каким был когда-то.

Моя жизнь была войной, я жил в борьбе, я ей дышал, её же жрал, и скармливал ей сына. Как мог, иного я и сам не знал.

Но сын отрекся от меня, влюбившись в эту рыжую девочку. Знал, как знал, что она все испортит! Мелкая же была тогда совсем, напоминала мне Софию на момент знакомства – не внешностью или поведением, а тем же необъяснимым

воздействием на моего сына, которое было у его матери на меня. Словно приворожив к себе намертво, без возможности освобождения от этих чар.

Они с Софи были разными, но ими обеими двигала одна и также сила, огромное стремление идти вперед, только если Софи была готова на все ради свободы, которую давали деньги, то целью Алены были золотые медали.

Увидел Софию впервые, когда ей было девятнадцать; она сидела на коленях у моего кореша, покачивая тонкой ножкой в капроновом чулке, край которого виднелся под короткой юбочкой, и смотрела на меня так, будто во всей комнате, кроме нас, не было никого. Тогда я понял, что нет у меня больше друга, что за неё я готов был убрать со своего пути любого и каким угодно способом, в равном бою или предательством — не важно, она — моя.

И в итоге так оно и вышло. В очередной из разборок, с моей нелегкой руки, он получил пулю промеж глаз. Испытывал ли я тогда муки совести? Нет, и мне хотелось донести до неё одну простую истину: от меня она уйдет, только если я сам этого захочу.

Наблюдал, как она вертит своим задом перед другими мужиками, как облачается в откровенные наряды, чтобы увидеть ревность в моих глазах. Гуляя по тонкой, как лезвие бритвы, грани моей сдержанности, она ожидала, когда я выволоку её из очередного притона, куда её заводила жизнь, чтобы бросить под душ, смывая с неё яркую косметику и за-

пах сигарет.

– Ой, блядь, ну что ты ведешь себя, как мой папочка? – пьяно смеется Софи, пока я зло намыливаю хозяйственным мылом руки и грубо провожу ими по её лицу, а она жмурится и хохочет. – Ах, не было же у меня никогда папаши! решил мне его заменить, Самгин?

– Рот открой, – сухо приказываю ей, сжимая мыло в руках. Она раскрывает свой грязный рот, высовывая язык, и я сую ей этот обмылок в рот, бесясь от того, что не в состоянии справиться с этой маленькой шлюхой, которой и двадцати лет нет, а она, сука, вертит мной, как ей вздумается.

Выходя, хлопаю дверью ванной комнаты, боясь, что еще одно слово, сказанное ей, – и убью её ко всем чертям. Ударю об стену, и не будет этой девчонки больше никогда. Стою, скуривая сигареты на балконе, и чувствую, как Соня забирается холодными пальчиками под мой свитер и проводит ими от груди до низа живота, а потом обнимает изо всех сил, прижимаясь всем телом ко мне.

– Люблю тебя, Самгин. Хоть ты и жуткий, но всё равно люблю, – шепчет она себе под нос, и вся моя злость мигом испаряется. Я тяжело выдыхаю и разворачиваюсь к ней, чтобы взглянуть на разводы туши под её глазами: она не потрудилась умыться до конца, и этот взгляд – вроде, детский совсем, но блядский – раздражает и манит одновременно.

Соня забирает сигарету прямо у меня изо рта и затягивается, отлично зная, что я ненавижу, когда она курит.

– Тебе, значит, можно, а мне – нет? – ехидно улыбается она.

– Тебе еще детей мне рожать, – отвечаю серьезно, сам удивляясь своим словам. Такие фразы с другими всегда оставались лишь игрой, бабам нравилось думать, будто я хочу от них детей, а мне от них даже прощального взгляда не требовалось. Одна сменяла другую, пока в моей жизни не появилась эта пигалица, младше меня на десять лет.

Каким бы я ни был, но меня тянуло к этой грязной девочке с большим опытом за плечами. София отличалась от других тем, что никогда его не стеснялась, признавала, что не было у нее другого способа выбраться из той деревни, где родилась и выросла. Но больше всего мне нравилось, что она не боялась меня, не презирала за мои поступки, потому что понимала меня, принимала мои деньги и подарки, но не изгибалась брезгливо рта.

Она поднимается на носочках и выдыхает табак мне в рот.

– Какая из меня мать, Толь? я же шавка дворовая, на улице выросла и, кроме улицы, ничего не знаю.

– У других же как-то получается, – пожимаю плечами.

Девочка фыркает, явно недовольная моим ответом.

– А меня одной тебе не хватает? – Она рисует узоры на моем животе и робко смотрит прямо в глаза, а я и не знаю, хватит ли мне её одной. Мои инстинкты говорят, что я хочу продолжения нас обоих, хочу видеть её матерью своих детей, хоть и права она: дикая же совсем, единственное, на что спо-

собна, так это прятаться за спину очередного мужика, чтобы выжить в этом мире.

Не будет она печь блинчики моим детям и сказки читать перед сном, как и ждать меня с кастрюлей супа на ужин... Или, может быть, из таких потаскух все же вырастают хорошие жены? Или это сказки для дебилов вроде меня?

– Тебя одной мне даже слишком много. – Я задумчиво провожу большим пальцем по её губам, а она бросает бычок в окно за моей спиной и тянется к моему рту.

Глава 2. София

Я такое ничтожество. Пока добиралась сюда, не знаю даже, о чем мечтала. Что увижу его и ничего не испытаю? А что я вообще должна была испытать?

Мы не общались уже много лет, и я дичайшим образом боялась, что слишком много времени прошло и он уже не способен разглядеть во мне женщину, привыкнув к тем особам, которых выбирал последние годы, а увидит лишь молодящуюся дуру, отчаянно пытающуюся ему понравиться.

Мужикам живется проще: даже если ты седой и покрыт морщинами, девчонка в короткой юбке, которой без паспорта не продают алкоголь, все равно кинется тебе на шею, если у тебя большой счет в банке, а может быть, даже искренне посчитает, что в тебе есть шарм и разница в возрасте вовсе не помеха. Эта игра работает и в обратном порядке, и от неудовлетворенности собственной жизнью, мне казалось, что держать при себе красивых мальчиков не такая уж и гадкая идея. Но я ошибалась. Через некоторое время ко мне все же пришло осознание, что от возраста не убежать, а чувства мужчин так же быстротечны, как и состояние почившего мужа.

Я уползала от Самгина, забрав с собой обручальное кольцо и отступные, которые он мне дал, напутствуя больше не вспоминать о них. У него же осталось, самое ценное, что у

меня было.

Моя любовь была к нему больной. Таких, как он, не любят, их боятся, и от них бегут. А меня тянуло к этой опасности, к его силе и власти, но больше всего – к моей собственной власти над ним. Он возвращался домой с руками по локоть в крови, иногда в чужой, а порой и в своей, и мне ничего не оставалось, кроме как снять свою шелковую ночную сорочку, которую он мне недавно подарил, чтобы остановить кровотечение, пока к нам не заявится его доктор и не сделает свое дело.

Сколько раз я так ждала его по ночам, не зная, вернется он или нет! А если не вернется, что будет со мной? Придется снова лечь под другого, такого же, как и он? Загвоздка заключалась в том, что между ним и всеми его братками, была огромная, непреодолимая пропасть. Это знание пришло ко мне на личном опыте, сложившемся, пока я добиралась до него, проходя других, не таких принципиальных, как Самгин, не таких извращенно-честных, не таких бесстрашных и уверенных, не таких мужественных, а тех, кому ничего не стоило поднять на меня руку и ударить в живот, так что я лишь сгибалась в три погибели от дикой боли, просто за то, что сказала не к месту слово.

Видит Бог, это странно, но я из раза в раз проверяла Самгина, ожидая подвоха, не в силах поверить, что он из другого теста, провоцируя его, доводя до исступления своими выходками, чтобы убедиться в своих страхах и увидеть, что он

такой же, как и они все, что исключений не бывает. Таких, как он, не бывает. Но Франк лишь сжимал кулаки, разбивая стену над моим плечом, хотя, я видела это в его глазах потребность сравнять меня с этой стеной.

Я никогда не понимала, что он во мне нашел, чем заслужила его благосклонность. Да, красивая ладная кукла, на которую все пускали слюни, и только благодаря внешности я смогла вытащить себя из той грязи и нищеты, в которой жила, пока мне не исполнилось шестнадцать.

Мне пришлось сбежать в столицу со своим давним ухажером, имея в кармане лишь небольшую наличность, которая раньше составляла заначку моего пьяного папаши. За те пару лет до знакомства с Самгиным я делала всё, чтобы выжить, разве не была готова пересечь последний Рубикон: начать торговать собственным телом. Хотя мои подружки, с которыми я делила угол, как маленькие черти, шептали мне обо всех благах этой деятельности и легких деньгах. Но когда «бабочки» возвращались домой, они неизменно превращались обратно в гусениц, из которых будто кто-то высасывал душу, а я шла на свою убогую работу, пока клиент одной из них не запал на меня, заприметив выходящей из подъезда. Узнал обо мне всю подноготную как раз через подружек, подарки дарил, деньги совал, да на свидания звал.

А я смеялась над ним: глупой была, не понимала опасности и легкости, с которой он мог бы достать ствол и пустить мне пулю в висок, и никто бы не стал в те годы расследовать

смерть никому не нужной девчонки. Ко мне не сразу пришло понимание, что такой мелочи как я не стоит связываться с серьезными дядями, которым в целом было совершенно безразлично, скажу я «да» или скажу «нет», они слышат лишь то, что хотят услышать, а если им что-то не понравится, то вывернут твои слова на изнанку, а потом и тебя, оставив лежать в луже собственной крови.

Помню, как первый раз увидела Франка и буквально раскрыла рот: высоченный, с широким разворотом плеч, красивый, как те мужчины, о которых я только читала в книжках, и такие же малолетки, как я, сверлили его глазами, ожидая своей очереди в его постели, но в тот вечер его взгляд остановился на мне и дальше не пошел.

А ведь я даже любить-то толком не умела, не знала, как: меня этому не научили, никто меня не любил, не проявлял нежности и ласки. И я была не обучена отдавать их обратно, просто молча забирала, что давали, не понимая, что же от меня требуется.

С ним судьба вдохнула в меня жизнь и мигом втянула её обратно, дала надежду и тут же её забрала, показав возможную картинку счастливого существования, чтобы повернуть её тыльной стороной верх. Дескать, нечего, тебе, Сонечка, расслабляться.

Помню, как держала Клима на руках, пока он играл прядью моих волос, наматывая на маленький кулачок, улыбаясь, смотрел на меня, будто я – самое прекрасное создание на

Земле.

Кто бы мог подумать, что у меня, такой грязной и испорченной, получится нечто настолько совершенное и правильное? Я сидела на кровати и ревела белугой от того, что в моей груди разрывались атомные взрывы, и не могла понять, что это за чувства и как мне с ними справиться. Я задыхалась от них, от своей любви и страха. Я была слишком юной, слишком молодой, слишком глупой, а мое сердце было слишком маленьким, чтобы вместить в себя все эти эмоции. С каждым вздохом моего сына мне становилось хуже и страшнее.

Что я, пустая и полая, могу вложить из своей глупой головы в его душу?

Анатолий видел это, видел мои метания и то, как я не могла подойти к ребенку.

– Ты же мать! – кричал он, встряхивая за мои худые плечи.

От нервов у меня не было лактации, есть я тоже не могла, наказывая себя за то, что я никчемная мать, и становилась с каждым днем все более тощей и дерганой. Я закрывала уши руками, лишь бы не слышать его плач, с которым не могла справиться.

К концу первого года брака сил у меня больше не оставалось, хотелось либо из окна выброситься, либо вены перерезать. Кажется, даже Франк это заметил, вечно погруженный в свои проблемы и разборки. У меня был какой-то совершенно безумный взгляд, будто он меня не в красивой квартире запер, о которой я раньше могла лишь мечтать, а в клетке

держал. Даже, вот, игрушку дал, чтобы скучно не было. Тогда никто не знал о таких словах, как послеродовая депрессия, и мне казалось, что я осталась один на один со всеми своими фобиями и горячим желанием сдохнуть.

Не знаю, откуда у Франка возникла эта идея, но он отправил меня «отдыхать» в одну из специализированных клиник, где в меня засовывали горсти лекарств, и постепенно мне стало лучше. Конечно, нормальной матери из меня все равно бы не получилось, я была лишь красивой пустышкой, и единственное, что могла дать своему ребенку – это любовь и ласку, которых у него было вдоволь вплоть до того момента, пока мне не пришлось уйти.

От Самгина было не скрыться, как бы паршиво я себя ни вела все восемь лет нашего брака, он все равно прощал мои выходки и возвращал меня обратно. Не может быть такого, чтобы у его терпения не было границ, я проверяла и испытывала их день ото дня.

Ведь я говорила ему, предупреждала, что не получится у меня, а он не верил. Любила ли я сына? Да, почти безумно – настолько безумно, что отлично понимала ту простую, как день, истину, что ему будет лучше без меня.

Когда Климу исполнилось семь лет, со мной произошло то, с чем я сама не нашла сил справиться, и находиться рядом с сыном и мужем больше не могла.

При виде Самгина меня начинало лихорадить и бить, как в ознобе, он прикасался ко мне, а мне, казалось, его руки

оставляют незаживающие ожоги на моей коже. Я умоляла его отпустить меня, кричала, что больше не могу так, но он ничего не хотел слышать, продолжая уверять меня, что всё наладится. Но ничего бы не наладилось уже никогда.

Только одним способом я могла получить свободу от него, хотя и сомневалась, что он оставит меня в живых, но в моем случае, смерть – это тоже свобода. У Самгина было много сторонников и друзей, которых он называл своей «чертовой дюжиной», но еще больше было врагов и завистников, даже тех, о которых он, на свою беду, не подозревал.

Свободу получить я могла только одним способом: переспав с самым злейшим из его врагов – Торфянниковым. Самгин по сравнению с ним был еще молод и зелен, несмотря на свои тридцать семь лет, но они никак не могли поделить территорию, и всем было очевидно, что кто-то должен либо отступить, либо умереть.

В тот день, когда я лежала под тучным и старым телом Торфянникова, мне казалось, что со мной только так и надо, что кроме этой боли и слез я больше ничего не заслуживаю, и только они хотя бы чуть-чуть очищали мое темную душу, пусть и заставляя чувствовать себя при этом грязнее самой черной грязи.

Когда до Самгина дошли слухи, пущенные с моей подачи, я ожидала, что он меня убьет на месте. Более того, я хотела этого. Только, конечно, в первую очередь он не меня убил, а его. И он убил бы каждого, кто осмелился, открыв рот, за-

завить какая его жена шлюха и тварь.

А я смотрела на него и не понимала, почему же он продолжает меня любить, такую грязную и мерзкую. И ведь он жаждал меня убить, я видела это в его глазах, но у него так и не поднялась рука. Мы сидели за одним столом, пока он хлестал водку и смотрел на меня, будто не узнавая, а мне хотелось кричать, что я именно такая, какой он видел меня в тот момент, и я хотела принять его пулю, просила его об этом, просила освободить нас, потому что мне жить не хотелось совсем.

В какой-то миг он приставил мне снизу к подбородку пистолет, крича на меня так, что барабанные перепонки подрагивали, а я не понимала его вопросов, ничего не понимала, укрытая апатией, словно одеялом.

Потом он ушел, забрав оружие. Должно быть, сообразил, что я бы сама воспользовалась им, пустив себе пулю в висок?

На следующий день Анатолий уехал с нашим сыном, а мне оставил чемоданы с моими вещами и указал срок, в течение которого я должна освободить квартиру.

Анатолий связывался со мной спустя несколько лет, просил, чтобы я хотя бы изредка виделась с ребенком, и я отравленная собственным ядом, услышав голос Самгина, не смогла сдержаться от того, чтобы не наговорить гадостей, потому что мои чувства к нему состояли из жгучей ненависти и любви одновременно. Мне не нужны были его деньги, мне нужны были его отрицательные эмоции и безграничная зло-

ба, которые он испытывал ко мне, и мне требовалось вновь и вновь в этом убеждаться.

Но видеть в глазах собственного сына ненависть и презрение я едва ли была способна, однако, переступив через страхи, согласилась. Нет, не ради его денег – их было вдоволь, мужчины не скупилась ради меня, а для того, чтобы вновь попробовать почувствовать безграничную любовь своего ребенка. Но сын, должно быть, был умнее отца и не захотел свиданий с непутевой мамашей.

Много раз я приезжала к воротам его интерната, чтобы издали полюбоваться своим мальчиком, таким красивым и ладным, что у меня сердце разрывалось от горячей любви к нему. Мне представлялось, что я могу передать свои чувства к нему хотя бы на расстоянии. Пусть он и не узнает никогда, не увидит моей материнской уязвимости перед собой, но, может быть, будет её ощущать? Меня утешало лишь то, что Клим был в безопасности и никогда ни в чем не нуждался, кроме нормальных родителей.

Пусть никогда не полюбит такую, как я, Боже, пусть у него будет сильная женщина!

Самгин оставляет мои вещи на улице, пока я осматриваю дом. Ладно, потом заберу. Чего можно ожидать от старого бандита?

Глава 3. А. Самгин

Спустя шесть лет после того, как мы с Софией разбежались, один из моих новых бизнес-партнеров пригласил меня на свою свадьбу. Это был не первый его брак, но, должно быть, по желанию очередной жены, праздник затеяли с размахом.

Мои чувства невозможно было передать словами, когда я понял, что невеста в роскошном свадебном платье – это София; её наряд сегодня разительно отличался от того, в котором она стояла рядом со мной в старом московском ЗАГСе.

Было ли это розыгрышем, попыткой меня задеть и унижить или нелепым стечением обстоятельств, выяснить мне так и не довелось, ибо жених, похоже, понятия не имел, кого берет в жены, а с лица Сони, стоило ей увидеть меня, отхлынула вся кровь, и она явно не ожидала созерцать меня среди гостей.

Пусть это торжество и казалось светским и помпезным, однако её новый муж к концу вечера надрался до животного состояния и был близок к тому, чтобы упасть мордой в салат, как на обычной сельской свадьбе. Я смотрел на Софию, не сводя взгляда, зная, что её это раздражает и злит, и она сидела как на иголках, до тех пор, пока друзья жениха, включая меня, не помогли оттащить её суженого в автомобиль, на котором они добирались до отеля, чтобы на следующий

день отправиться в свадебное путешествие. Я закинул её мужа на переднее сиденье, с его водителем, не удосужившись пристегнуть на нем ремень безопасности, объяснив остальным, что их помощь не требуется, и уселся на заднем сиденье рядом с прекрасной невестой, которая уже имела законный статус жены.

Соня отодвинулась от меня, почти вжавшись в дверь, а я, вольготно устроившись, ожидал, когда мы доберемся до отеля. Кинул это пьяное животное на диване в гостиной номера для новобрачных и обернулся к бывшей жене, которая стояла в дверях, ожидая, когда я выйду из них вон, но вместо этого я отодвинул ее и закрыл дверь изнутри.

– Уходи, – твердо произносит она.

– Нет, у тебя сегодня первая брачная ночь, – напоминаю ей, ухмыляясь.

Соня пятится от меня и, замечая, как я растягиваю одну за другой пуговицы жилета, срывается с места и бежит в спальню, не успевая запереть дверь, потому что я вовремя хватаюсь за дверную ручку.

– Франк, не надо, – просит она меня, когда я все же прохожу в спальню, и вытягивает вперед руку, в попытке остановить меня. Я рассматриваю её, понимая, что с возрастом она стала еще красивее, а деньги и лоск ей, несомненно, шли. Уйдя тогда, она быстро выскочила замуж за политика, укрывшись за его спиной, зная, что когда-нибудь я все же могу передумать и прийти за ней.

– С каких пор, дорогая, ты вдруг стала примерной женой? – принимаясь расстёгивать рубашку, интересуюсь я. – Никогда раньше не была, не стоит и начинать.

София нервно осматривает комнату и берет с комода хрустальную вазу с тонким основанием, сжимая её пальчиками, выставляет, как меч вперед перед собой.

– Не подходи ко мне, Самгин. Может, тебе я и не была верна, так только потому, что у тебя не хватило сил уйти с моего пути самостоятельно, – шипит она сквозь зубы, как кобра, пытающаяся ужалить. – Я не одна из твоих гламурных пустышек, я и убить могу.

Её колючие слова пробираются мне под кожу, отравляя и причиняя боль, но зато злость, которую она посеяла во мне много лет назад, начала давать плоды, прорастая во мне все выше и глубже.

Соня облизывает пересохшие от волнения губы, накрашенные алой помадой, и замахивается на меня, держа в руках свое оружие, пока я продолжаю гадать, готова она меня уничтожить или нет. Моя маленькая убийца разбивает вазу из тонкого хрусталя о мой череп, который видел на своем веку угрозы и пострашнее, хотя я и чувствую, что ей удалось-таки меня ранить, потому что теплая кровь потекла по виску.

Испугавшись, она закрывает обеими руками рот, останавливая рвущийся наружу крик, оттого что ей все же удалось меня ударить, не веря, что я даже не попытался её остано-

вить.

– Повернись, – обманчиво мягко прошу её, замечая за-
рождающуюся истерику, но София слушается меня, подби-
рая полы свадебного платья, и поворачивается ко мне спи-
ной. По старой привычке, со мной всегда был острый бали-
сонг, и, достав его, я разрезаю шелковые ленточки наряда,
затем руками развожу корсет в стороны, пока платье не па-
дает к ногам. Отхожу на шаг назад, наблюдая за результатом
своих усилий.

Соня относилась к той категории женщин, которые умели
брать себя в руки в самых неприятных ситуациях, и сейчас
она, хоть и дрожит, но выпрямляется, гордо разворачиваясь
ко мне, отводя плечи назад, демонстрируя красоту своего за-
горелого тела в белом белье, изображая из себя невольницу
на рынке работорговцев.

Я вытаскиваю из брюк ремень и складываю пополам, про-
должая смотреть ей в глаза. Она переводит недоуменный
взгляд на мою руку, сжимающую кожу ремня, догадываясь,
что я хочу пустить его в ход, и её глаза округляются.

– Самгин, я буду кричать, – заверяет меня, а сама еле шеп-
чет.

Мои губы изгибаются в улыбке, стоит мне представить
картинку, которую может застать её новоиспечённый муж,
если решится очнуться от своего пьяного сна.

– Можешь начинать, – предлагаю, оказываясь рядом.

Сжимаю её короткие локоны, будто суку хватаю за шкир-

ку, и кидаю на огромную кровать. Она тут же встает на колени, планируя уползти, но я не намерен пока никуда отпускать её, сжимаю щиколотку и тяну на себя. Я никогда её не бил, пускай мне и тысячи раз хотелось, но поднять на неё руку казалось кощунством. Она такая маленькая и хрупкая по сравнению со мной, что я даже дышать порой на неё боялся, не то причинить боль. Но сейчас, чаша моего терпения переполнилась и лилась через край.

Сминая простыни брачного ложа, я уселся на кровать, без труда укладывая её на свои колени, задницей вверх. Она плакала, но эти слезы сейчас меня ничуть не трогали, я поднял её голову за волосы, чтобы убедиться, что она не симулирует, но щеки действительно были мокрыми, а приглушенные всхлипы вполне правдоподобными.

Прохожусь, едва ли не лаская, кожей ремня по её покрытым мурашками ягодицам – таким аппетитным, что мне хочется сомкнуть на них свои зубы, укусить илизать языком.

– Что же ты не зовешь на помощь своего муженька? – спрашиваю, совершая первый удар – не настолько сильный, насколько унижительный.

– Чтоб ты сдох! – приглушенно пищит, когда на её задницу падает удар куда неприятнее.

– Твоими молитвами, дорогая, твоими молитвами, – задумчиво отвечаю ей, не обделяя вниманием ни одну из чувствительных ягодиц, возмущенно колышущихся от грубого обращения. Кожа задницы заметно розовеет, выглядя при-

тягательно-аппетитной, и в попытках избежать очередного удара, она елозит по мне бедрами, то и дело задевая эрегированный член.

Останавливаюсь, изучая грубой кожей ремня следы на ягодицах, и опускаюсь им в расщелину между её ног. Теперь она уже призывно вертит задом, непонятно, осознанно или инстинктивно, зарождая в моём теле волны возбуждения, замешанные на ослепляющей ревности, ненависти и любви. Убираю ремень, думая о том, что наказывать её ладонью мне будет куда приятнее. Но, прикасаясь к Сониной кожи, я уже не в силах удержать себя от того, чтобы повторить последний путь ремня, проводя пальцами по красным отметинам, охлаждая причиненную боль. Очерчиваю кружево трусиков, опускаясь к промежности и замечая исходящий от неё жар. Трусики же буквально сочатся влагой, а сама виновница порки тяжело и прерывисто дышит, пока я занимаюсь своей исследовательской миссией.

Отрываю руки от её кожи и, убираю за спину, упираясь ими в кровать. Соня, почувствовав свободу, отползает и перекатывается на спину, смотря на меня из-под упавших на лицо волос заплаканными глазами. Должно быть, не такой она представляла себе первую брачную ночь с очередным счетом в банке. Я смотрю на неё тяжелым взглядом, и она отвечает мне тем, что скользит глазами от моего раненого виска к белой рубашке, заляпанной кровью, останавливаясь на выпирающем под брюками бугре, и сглатывает слюну.

– Иди ко мне, – слышу свой собственный низкий и хриплый голос.

Соня, словно в трансе, опускает ноги, все еще облаченные в телесные чулки и белые туфли, на мягкий ковер, обходит кровать, останавливаясь передо мной, и грациозно опускается на колени. Блядский взгляд темных глаз прикован ко мне, пока она расправляется с застежкой брюк, добираясь до члена. Моя бывшая женщина обхватывает губами головку полового органа, порхая по ней языком и вбирает его глубоко в себя, как заправская шлюха, какой она и является. Её минет влажный, горячий, как и рот, в который она принимает меня. Соня удерживает мой взгляд, заставляя оставаться в этой реальности, где она шлюха и вовсе не моя, как бы мне этого не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.